

Мария Жарова

ПО
ДОГОВОРУ:
РАБЫНЯ

Мария Жарова

По договору: рабыня.

«Литнет»

2026

Жарова М.

По договору: рабыня. / М. Жарова — «Литнет», 2026

Она подписала договор. Теперь она — их собственность. Она потеряла всё. Работу. Дом. Последние деньги ушли коллекторам. Остался только чемодан и просроченный паспорт. Объявление выглядит как лучший шанс: домработница в богатый дом. Проживание. Питание. Высокая зарплата. Марина соглашается, не читая. Терять нечего. Терять было что. Себя.

© Жарова М., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1

Минский вокзал в два часа ночи пахнет дешёвым кофе из автомата, мазутом и чужой бедой.

Марина сидит на пластиковом стуле у платформы. Рядом — чемодан на колёсиках. Один. Не новый, но ещё крепкий. Материал треснул на углу, когда она тащила его через весь город пешком. Троллейбусы уже не ходили, а на маршрутку у неё не хватило бы даже разменной монеты.

Чемодан почти пустой. Три футболки, джинсы, тёплая кофта, зарядка, паспорт — просроченный на восемь месяцев — и семьсот рублей наличными. Всё, что осталось от зарплаты продавца-консультанта, которую она получила вчера и тут же спрятала от коллекторов.

Марина сжимает в пальцах сигарету — последнюю из пачки, купленной на вокзале. Руки не трясутся. Это пугает её саму. Ещё неделю назад они тряслись всегда. За завтраком, когда она смотрела на еду и не могла проглотить ни куска. Ночью, когда она лежала без сна и считала удары сердца. В душе, когда тёплая вода казалась ледяной, потому что в соседней комнате лежал телефон и мог в любой момент зазвонить.

Сейчас руки не трясутся. Потому что самое страшное уже случилось? Или потому что она наконец-то перестала быть жертвой и стала беглянкой?

Разница тонкая, но Марина чувствует её в солнечном сплетении — там, где последние полгода жила тупая, ноющая боль.

Она делает затяжку. Дым лезет в глаза — ветер гуляет стоянке, поднимает пыль с асфальта. Кто-то пролил кофе и не убрал. Кто-то бросил окурочек в пластиковую бутылку, и пластик оплавился, застыл уродливой чёрной каплей.

Марина не курит уже два года. Бросила, когда начала копить на первый взнос по ипотеке. Ирония: она перестала тратить деньги на отраву, чтобы потом отдать их банку, который всё равно её задушит.

Но сегодня она курит. Потому что сегодня — последний день, когда она — это она. Завтра она станет кем-то другим.

Она тушит окурочек о подошву кроссовка — кроссовки старые, но чистые, ещё с прошлой жизни, когда она могла позволить себе ходить в зал по абонементу — и достаёт телефон.

Экран треснут. Она уронила его неделю назад, когда выбегала из квартиры. От кого? От бывшего? От себя?

Нет. Она бежала не от бывшего. Она бежала от того, что сделала, когда он пришёл в тот вечер.

Марина на секунду закрывает глаза.

Вспоминает прошлое.

Она открывает глаза.

Не сейчас. Об этом подумает потом. Или в России. Или в новой жизни, в которой у неё не будет времени на мысли.

Она заходит в «Куфар».

Реклама. «Купи квартиру в новостройке!», «Срочно продам айфон 13!», «Сделаю маникюр на дому». Она листает дальше, пальцы мёрзнут, но она не чувствует холода. Только тупую решимость.

Вот оно.

Объявление было опубликовано три часа назад. Аватарка — серая, без фото. Текст короткий, рубленый, как будто писавший сэкономил каждую букву:

«Требуется домработница в семью в МО. Проживание, питание, высокая зарплата. Помощь с документами. Звонить в любое время».

Внизу — номер телефона с московским кодом.

Марина смотрит на него тридцать секунд. Потом смотрит на часы в углу экрана — 02:17. В любое время. Значит, действительно в любое.

Она не верит в удачу. Она вообще ни во что не верит уже полгода. Но сейчас у неё нет выбора.

Долг по кредиту — двенадцать тысяч белорусских рублей. Для кого-то это мелочь. Для неё — удавка, которая затягивается с каждым днём. Вчера пришло последнее предупреждение от коллекторов. Не просто «мы подаём в суд». Другое. Короткое. *«Придём завтра. Не прячься»*.

Она не пряталась. Она ушла. Собрала чемодан за десять минут, пока соседка сверху не выключила воду — она подождала, пока шум в трубах станет громче, чтобы никто не услышал, как щёлкает замок.

Ключи от квартиры она оставила на подоконнике в подъезде. Там, где их обычно забирала уборщица, которая убирала подъезд раз в неделю. Марина не знала её имени. Они никогда не здоровались.

Теперь она сама будет уборщицей. Ирония судьбы — болезненная, как зубная боль.

Она нажимает «позвонить».

Гудки. Один. Два. Три. Она уже хочет сбросить, когда на том конце поднимают трубку.

— Аллю.

Голос женский. Спокойный. Даже слишком. Как у диспетчера скорой, которая привыкла к любым новостям. Или у прокурора, который зачитывает приговор.

— Здравствуйте, — голос Марины не дрожит, и это маленькая победа. — Я по объявлению. Домработница.

Пауза. Короткая. Но в ней что-то есть. Оценка. Взвешивание.

— Вы откуда?

— Из Минска.

— Документы есть?

— Паспорт есть. Просрочен немного.

Ещё одна пауза. Теперь длиннее. Марина задерживает дыхание.

— Просрочен — не страшно, — голос на том конце становится чуть теплее. Или Марине просто хочется так думать. — Регистрацию сделаем. Но сначала — испытательный срок. Две недели. Без выходных. Устраивает?

Марина сглатывает. Две недели без выходных. Две недели жить в чужом доме, убирать, стирать, подавать, быть невидимой. И всё это ради обещания регистрации, которая превратит её из нелегалки в человека с правом остаться.

— Устраивает, — говорит она.

— Тогда записывайте адрес. Коттеджный посёлок «Лесные Поляны», тридцать километров от Москвы. Когда приедете — на КПП скажете, что вы к Соболевым. Вас пропустят.

— Как я вас найду?

— Я встречу. Вас как зовут?

— Марина.

— А меня — Вероника Павловна. Добро пожаловать, Марина.

И тишина. Вероника Павловна не прощается. Просто вешает трубку.

Марина смотрит на экран. Вызов завершён. Всё. Обратного пути нет.

Она поднимается со стула. Ноги затекли. Чемодан тяжёлый — не весом, а смыслом. В нём её прошлое. И, возможно, будущее.

У кассы — очередь из трёх человек. Двое мужчин в разношенных куртках, пахнущих перегаром и дорогой. Женщина с ребёнком на руках — малыш спит, а она смотрит в одну точку уставшими глазами.

Марина подходит к окошку.

— Один билет до Москвы. Плацкарт. На ближайший.

Кассирша — женщина лет пятидесяти с укладкой из девяностых — печатает что-то в компьютере. Не поднимает глаз.

— Паспорт.

Марина кладёт на стойку просроченный паспорт. Красная корочка. Белорусский герб. Фото — другая Марина, с живыми глазами, без синяков под ними, без этой затравленной оглядки.

Кассирша берёт документ, открывает, смотрит на дату. Хмурится.

— Просрочен.

— Знаю.

— Так нельзя.

— Пожалуйста, — голос Марины ломается в первый раз за этот вечер. — Мне очень надо.

Кассирша поднимает глаза. Смотрит долго. Морщины вокруг её губ складываются в нечитаемое выражение.

— До Москвы?

— Да.

— Не говори никому, — кассирша пробивает билет и протягивает его вместе с паспортом. — Шестой вагон, боковушка. Отправление через сорок минут.

Марина берёт билет. Бумажный, тонкий. На нём написано: «Минск-Пассажирский — Москва-Белорусская». Стоимость — шестьдесят три рубля.

Остаётся шестьсот тридцать семь.

Она идёт к платформе. Вокзал постепенно просыпается — объявляют посадку на Могилёв, потом на Брест. Голос диктора механический, равнодушный.

На платформе холодно. Ветер срывает с козырька сосульки, они разбиваются об асфальт с хрустальным звоном. Марина стоит у края, чемодан прижат к ноге. Пальцы замёрзли, но она не прячет руки в карманы — ей нужно держать телефон.

Она снова открывает «Куфар». Объявление всё ещё висит. Она перечитывает его.

Почему не «требуется гражданка РФ»?

Марина не дура. Она понимает, что это пахнет чем-то не тем. Чем-то, что нормальные работодатели не пишут в объявлениях. Но нормальные работодатели не предлагают регистрацию в нагрузку к зарплате. Нормальные работодатели не берут домработниц с просроченными паспортами в два часа ночи.

Она убирает телефон.

Поезд подходит через пятнадцать минут. Старый состав, зелёные вагоны с облупившейся краской. Проводница — тётка с лицом, которое видело всё, — проверяет билет, смотрит на паспорт, вздыхает.

— Тридцать седьмое место, — говорит она и машет рукой в сторону вагона. — Проходи.

В соседнем месте уже кто-то есть. Парень лет двадцати в наушниках, спиной к окну. Он даже не поднимает головы, когда Марина заходит. Хорошо. Она не настроена на разговоры.

Она ставит чемодан на верхнюю полку, садится внизу. Поезд дёргается — плавно, по-стариковски — и начинает движение. За окном проплывают фонари минского вокзала, потом серые пятиэтажки, потом темнота.

Марина смотрит в окно, пока город не исчезает окончательно.

В телефоне — одно непрочитанное сообщение. От неизвестного номера.

«И не вздумай говорить ментам. Они тебе не поверят».

Она сжимает телефон так, что треснутый экран впивается в ладонь.

Кто это написал? Бывший? Коллекторы? Или кто-то другой — кто-то, кто знает, куда она едет и зачем?

Марина удаляет сообщение, не открывая. Выключает телефон. Кладёт его в карман куртки.

Поезд набирает скорость. Где-то впереди — Москва. Коттеджный посёлок. Работа. Регистрация.

Или ловушка.

Она закрывает глаза.

Не думать. Не бояться. Просто ехать.

За окном — ночь. Беларусь остаётся позади. Впереди — Россия.

И Соболевы.

Глава 2

Поезд прибывает на Белорусский вокзал Москвы в семь утра.

Марина не спала всю ночь. Сидела на нижней полке, смотрела в темноту за окном и слушала, как храпит парень в наушниках. Где-то под Ржевом поезд остановился на сорок минут — что-то случилось с путями, проводница сказала «авария», но не уточнила какая. Марина тогда впервые за всю ночь закрыла глаза. Пятнадцать минут. И увидела его лицо. Бывшего. То самое, за секунду до первого удара.

Она проснулась от собственного всхлипа, зажала рот рукой и больше не ложилась.

Теперь она стоит на перроне. Москва встречает её серым небом, запахом солярки и толпой — огромной, равнодушной, текучей. Люди идут мимо, не задевая, даже не замечая. Для них она — чемодан на колёсиках. Препятствие. Мебель.

Она сжимает ручку чемодана. Ладонь потеет. Она не была в Москве никогда. В детстве мечтала — поехать на Красную площадь, сфотографироваться у Кремля, как все. Не получилось. Денег не было. Потом стало не до мечтаний.

Теперь она здесь. Не туристка. Беглянка.

Марина включает телефон.

Экран загорается, и мир обрушивается на неё уведомлениями.

Двадцать три сообщения от коллекторов. Четыре пропущенных от неизвестного номера — того самого, который прислал сообщение в поезде. Она не перезванивает. Не читает. Удаляет их сразу, не глядя. Пальцы дрожат, когда она нажимает «удалить ». Ещё секунда — и экран чистый. Как будто ничего не было.

Остаётся одно — от Вероники Павловны. Прислано в 5:07.

«Выходите из вокзала к площади Тверской Заставы. Белая «Тойота Камри». Доедете до посёлка с водителем».

Марина смотрит на экран. 5:47. Вероника Павловна не спит в пять утра. Или спит мало. Или вообще не спит.

Она убирает телефон в карман куртки. Берёт чемодан. Идёт к выходу.

Вокзал огромный. Намного больше минского. Людей — сотни. Они бегут, толкаются, разговаривают по телефонам, тащат сумки, детей, собачьи переноски. Марина чувствует себя муравьём в муравейнике — маленькой, незаметной, легко раздавленной.

Она выходит из здания вокзала.

Холодно. Москва в марте — это не Минск. Ветер режет лицо, пробирается под куртку, лезет в рукава. Она не взяла шапку. Глупо. Но в чемодане не было места для тепла — только для бегства. Джинсы промерзают за минуту. Кроссовки промокают — на асфальте лужи, вчерашний снег тает.

Марина поднимает воротник куртки. Оглядывается.

Площадь Тверской Заставы. Она видела её на карте, когда искала маршрут. Широкая, машины, автобусы, троллейбусы. И много белых машин.

Но одну она замечает сразу.

Белая «Тойота Камри». Стоит у бордюра, двигатель работает. Из выхлопной трубы идёт пар — машину не глушили. Ждали.

Марина подходит ближе. За рулём — мужчина лет сорока, с короткой стрижкой, в чёрной куртке без опознавательных знаков. Лицо ничего не выражает. Профессиональное равнодушие. Он даже не смотрит на неё. Смотрит вперёд, сквозь лобовое стекло.

Марина стучит в окно. Оно опускается.

— Марина? — он даже не спрашивает, утверждает. Голос низкий, без интонаций.

— Да.

— Садитесь. Чемодан в багажник.

Он не выходит из машины, чтобы помочь. Просто нажимает кнопку — багажник открывается сам. Марина закидывает чемодан. Тяжёлый. Руки дрожат от холода и усталости. Закрывает багажник. Садится на заднее сиденье.

В машине тепло. Слишком тепло. Пахнет кожей и дезодорантом — слишком сильно, приторно, до тошноты. Марина трогает подлокотник. Кожа настоящая. Мягкая. Она не знает, сколько стоят такие машины, но чувствует: дорого. Очень дорого. Больше, чем она заработала за последний год.

Водитель молчит. Включает поворотник, вливается в поток. Машина плавная, почти невесомая. Не то что её прошлая жизнь — рваная, грязная, тяжёлая.

— Далеко? — спрашивает Марина, чтобы нарушить тишину.

— Сорок минут без пробок.

Водитель не смотрит на неё. Смотрит на дорогу. Руки на руле — спокойные, уверенные. На пальце — обручальное кольцо. Простое, золотое. Семья? Дети? Марина хочет спросить, но не решается. Не её дело.

С пробками — полтора часа. Но водитель не уточняет. Он вообще, кажется, не расположен к разговорам. Или ему запретили.

Марина смотрит в окно.

Москва за окном — огромная, чужая, пугающая. Высотки, стекло и бетон. Торговые центры с названиями на латинице. Пробки — бесконечные ряды машин, как застывшая река. Люди в машинах тоже застывшие. Серые лица, пустые глаза. Никто никуда не спешит, хотя все спешат.

Она пытается представить, как будет жить здесь, но не может. Перед глазами только объявление с «Куфар» и голос Вероники Павловны.

«Две недели. Без выходных».

Две недели. Четырнадцать дней. Триста тридцать шесть часов. Без остановки. Без права на ошибку.

Марина закрывает глаза. Открывает. Водитель всё так же молчит.

Они выезжают на трассу. Город заканчивается. Сначала промзоны — серые заборы, трубы, склады с надписями «Не влезай — убьёт» и какими-то росписями. Потом пустыри. Потом начинаются леса — берёзы, ели, сосны. Всё серое, мартовское. Снег уже стаял, но земля чёрная, мёрзлая. Деревья голые, ветки тянутся к небу, как руки.

А между лесами — коттеджные посёлки.

Они возникают внезапно. Заборы. Шлагбаумы. Таблички «Частная территория. Вход посторонним воспрещён». Дома — одинаковые, как солдаты в строю. Кирпичные, с панорамными окнами, коваными оградами и спутниковыми тарелками на крышах.

Марина считает их. Один посёлок, второй, третий. Все одинаковые. Все чужие.

— «Лесные Поляны», — говорит водитель, сворачивая на асфальтированную дорогу.

Они подъезжают к шлагбауму. Посёлок выглядит как картинка из дорогого журнала. Улицы широкие, чистые, без единой соринки. Газоны подстрижены — хотя март, и трава ещё не вылезла. Кто-то явно платит за то, чтобы здесь всегда было красиво. Дорого платит.

КПП — бетонное здание с тонированными стёклами. Шлагбаум опущен. Водитель тормозит, опускает стекло.

С улицы тянет холодом. Марина ёжится.

Охранник выходит из будки. Мужчина лет пятидесяти, в форме охранного агентства, с бейджем «Сергей». Форма сидит мешковато, пуговица на животе расстёгнута. Лицо рябое, от угрей. Глаза маленькие, быстрые, бегающие. Он заглядывает в машину, переводит взгляд на Марину.

— К Соболевым?

— Да, — отвечает водитель.

Охранник смотрит на Марину дольше, чем нужно. Оценивает. Сначала лицо — усталое, бледное, без макияжа. Потом одежду — дешёвая куртка, старые джинсы. Потом снова лицо.

— Эти вечно привозят кого-то... — бормочет он, не скрывая усмешки.

Он делает шаг назад. Машет рукой.

— Проезжай.

Шлагбаум поднимается с механическим скрежетом. Водитель нажимает на газ. Машина въезжает в посёлок.

Марина оборачивается. Охранник стоит у будки, смотрит им вслед. Что-то записывает в журнал. Толстый, потрёпанный журнал — такие бывают в советских учреждениях. Он пишет медленно, не поднимая головы. Потом закрывает журнал и уходит внутрь.

У Марины внутри шевелится холодное, противное чувство — то, которое она научилась не слушать. Интуиция. Шестое чувство. Или просто паранойя после всего, что случилось.

Она отворачивается.

Дом Соболевых — в конце главной улицы, у самого леса.

Он выделяется даже среди других домов. Трёхэтажный, из светлого кирпича, с колоннами у входа — как маленький дворец. Крыша из тёмной черепицы, дорогой. Окна — огромные, от пола до потолка, но почти все зашторены. Белые шторы, плотные, не пропускают света.

Участок огорожен высоким забором из профнастила. Серый, гладкий, без единой щели. Сверху — колючая проволока. Не сплошная, а секциями. Аккуратно. Дорого.

И странно.

Марина много раз видела дома богатых людей — в фильмах, в рекламе, на фотографиях в интернете. Но там никогда не было колючей проволоки. Или она просто не замечала.

Водитель останавливается у ворот. Они открываются автоматически, без звука. Просто разъезжаются в стороны, как театральный занавес.

— Выходите, — говорит он.

Марина выходит. Ноги затекли после долгой дороги. Она делает шаг — колени подгибаются. Хватается за дверь машины, чтобы не упасть.

Чемодан она забирает сама — водитель даже не шевелится. Сидит, смотрит вперёд, ждёт, когда она закроет дверь.

— Спасибо, — говорит Марина.

Он не отвечает.

Марина закрывает дверь. Водитель тут же уезжает — резко, с пробуксовкой. Шины визжат по асфальту.

Ворота закрываются за её спиной. Тихий, маслянистый щелчок.

Она остаётся одна перед домом.

Воздух здесь другой. Не московский, не вокзальный. Холодный, но чистый. Пахнет хвоей и чем-то ещё — химическим, резковатым. Как в новом линолеуме. Или в дешёвом клее. Марина принюхивается. Формальдегид. Она помнит этот запах из хостела — когда постелили новый линолеум в коридоре, гости жаловались на головную боль.

Тишина.

В посёлке тихо. Очень тихо. Ни собак, ни детей, ни машин. Даже птиц не слышно. Только ветер шуршит по голым веткам.

Марина смотрит на дом.

На первом этаже, за шторой, мелькает тень. Кто-то смотрит на неё. Ждёт.

Дверь открывается раньше, чем она успевает позвонить.

На пороге стоит женщина.

Вероника Павловна.

Марина сразу понимает: это она. Не по голосу — голос по телефону был другим, спокойным до безразличия. Сейчас перед ней стоит женщина, которая смотрит так, будто видит насквозь. Не рентген — что-то похуже. Оценщица в ломбарде, которая знает цену каждой вещи.

Веронике Павловне около сорока семи. Идеальная укладка — русые волосы уложены волосок к волоску, без единого выбившегося локона. Домашний костюм — мягкие штаны и толстовка из ткани, которая стоит как зарплата Марины за полгода. Лицо гладкое, без единой морщины — только ботокс, это видно по неестественному блеску лба и неподвижным бровям. Кожа слишком натянута, как пластиковая плёнка.

Глаза — светло-серые, почти прозрачные. Красивые. И холодные. Как лёд на реке в декабре.

— Марина? — Вероника улыбается. Улыбка отработанная — в ней нет тепла, но нет и отторжения. Профессиональная улыбка продавца в дорогом магазине. — Проходите, не стойте на холоде.

Марина заходит в дом.

Прихожая — как холл в пятизвёздочном отеле. Высокий потолок — метра четыре, не меньше. Мраморный пол — белый с серыми прожилками, натёртый до зеркального блеска. Огромная люстра из хрусталя — тысячи подвесок, они тихо звенят от сквозняка.

Стены светлые, почти белые. На них — картины в тяжёлых рамах. Пейзажи. Леса, озёра, ничего человеческого. Ни портретов, ни фотографий. Марина всматривается — ни одного лица.

Но что-то не так.

Марина не может понять что, пока не делает несколько шагов вглубь. Потом доходит.

Дом нежилой.

Здесь нет запаха еды. Нет запаха человека — ни пота, ни духов, ни сигарет. Нет звуков — ни телевизора, ни музыки, ни голосов. Абсолютная тишина. Даже холодильник не гудит.

Полы идеально чистые, но не натёртые до блеска — просто новые. Пахнет формальдегидом и свежей краской. Как в только что отремонтированной квартире, куда ещё не занесли мебель.

Но мебель здесь есть. Дорогая. Кожаные диваны — чёрные, холодные. Стеклянные столы на толстых ножках — без единого пятнышка. Ковры с длинным ворсом — белые, пушистые, на них страшно наступить в уличных кроссовках.

Всё новое. Всё без единой царапины. Всё — как в каталоге ИКЕА для самых богатых.

И везде — камеры.

Марина замечает их не сразу. Сначала одну — над входной дверью, маленький чёрный глазок, вмонтированный в стену. Потом вторую — в углу потолка, направленную на диван. Третью — в коридоре, ведущем на кухню. Четвёртую — у лестницы на второй этаж.

Они маленькие, незаметные. Если не знать, куда смотреть, можно и не увидеть. Но Марина знает. Она научилась замечать камеры в хостеле, где работала администратором. Там их повесили после того, как у постояльца украли ноутбук. Хозяин сказал: «Чтобы видеть всё». Марина тогда подумала: «Чтобы контролировать сотрудников». Теперь она думает так же.

Она считает камеры. Одна, две, три, четыре, пять, шесть. Шесть только в прихожей и гостиной.

Сколько ещё в других комнатах?

Вероника идёт впереди, не оборачиваясь. Жестом приглашает следовать за собой. Дорогие тапки на её ногах не издают ни звука.

— Я покажу вам вашу комнату. Распакуетесь. Отдохнёте с дороги. Потом я расскажу, что нужно делать.

— Спасибо, — говорит Марина.

— Не за что.

Вероника не оборачивается. Идёт ровно, спину держит прямо, как по струне.

Они проходят через гостиную — огромную, пустую, с диванами, на которых никто никогда не сидит. Потом по длинному коридору. На стенах — снова камеры. И ещё одна в углу, на потолке.

Марина продолжает считать. От входа до коридора — семь камер. Семь. В частном доме. Зачем столько?

Вероника останавливается перед дверью в конце коридора. Дверь не такая, как остальные — металлическая, серая, без ручки снаружи, только кнопочный замок — чёрная панель с цифрами. Вероника нажимает код — Марина не видит какой, но слышит четыре пика. Потом дверь открывается с мягким щелчком.

За ней — лестница вниз.

— Ваша комната в цокольном этаже, — говорит Вероника. — Там тихо. Никто не будет мешать.

Они спускаются.

Цокольный этаж отличается от первого. Стены здесь не белые, а серые — краска или просто бетон. Пол бетонный, покрытый дешёвым линолеумом — серым, в мелкий пупырышек. Лампы дневного света — те самые, длинные трубки, которые жужжат и мерцают. Одна из них мигает — то ярче, то темнее.

Воздух спёртый, тяжёлый. Пахнет сыростью и старым бетоном.

Комната, которую Вероника называет «вашей», — маленькая. Четыре на три метра. Кровать — узкая, металлическая, с панцирной сеткой. На ней — матрас. Тонкий, продавленный, в жёлтых пятнах. Тумбочка — из ДСП, с выдвижным ящиком. Стол — такой же. Платяной шкаф — старый, из ДСП, с выщербленной кромкой и покосившейся дверцей.

И ни одного окна.

Марина останавливается на пороге.

— Здесь нет окон, — говорит она. Не спрашивает. Просто констатирует.

— В цокольном этаже не бывает окон, — Вероника улыбается той же профессиональной улыбкой. — Но вам здесь будет удобно. Правда. Тихо. Спокойно. Высыпаться будете.

— От темноты голова болит.

Вероника смотрит на неё. Долго. Не моргает.

— Привыкнете.

Не вопрос. Не совет. Приказ.

Марина смотрит на кровать. На подушку в белой наволочке — синтетической, дешёвой, какой-то скользкой. На одеяло — слишком тонкое для такой погоды, синтепоновое, почти невесомое.

— Отдыхайте, — Вероника поворачивается к выходу. — Через час поднимайтесь на первый этаж. Я всё покажу.

Она уходит. Дверь закрывается — без щелчка, плотно, как дверь в холодильнике. Шаги затихают на лестнице.

Потом слышен звук — Вероника нажимает код на замке. Четыре пика. Дверь заперта.

Марина остаётся одна.

Она садится на кровать. Панцирная сетка прогибается под её весом, скрипит — металлически, противно. Она кладёт руки на колени. Смотрит на голую стену.

Серую. Холодную. Без окон.

Вспоминает она слова охранника на КПП. *«Эти вечно привозят кого-то».*

Охранник сказал «привозят». Как товар. Как вещи.

Значит, она не первая. Значит, до неё здесь были другие.

Марина встаёт. Нужно осмотреться.

Тумбочка — пустая. Внутри только пыль идохлый паук — маленький, высохший, лапки поджаты. Марина закрывает ящик.

Стол — без ящиков. Просто столешница на металлических ножках.

Шкаф — внутри три вешалки, пластмассовые, дешёвые, зелёного цвета. И больше ничего.

Она опускается на колени. Заглядывает под кровать.

Там пыльно. Серые комки пыли, давно не убирали. Волосы — чужие, длинные, русые. И ещё что-то.

Марина тянется рукой, нащупывает предмет. Пальцы скользят по пластику. Она достаёт.

Телефон.

Старый. Маленький. Без экрана — дисплей разбит вдребезги, осколки осыпаются, когда она берёт его в руки. Корпус треснутый, сбоку вмятина — будто по нему ударили. На задней крышке — наклейка с цветочком. Детская. Ромашка.

Она пытается включить. Нажимает кнопку — ничего. Марина подносит его к свету — единственная лампа в комнате жужжит, мерцает — и видит: на разбитом дисплее, на уцелевшем осколке, едва проступает фото.

Девушка. Похожа на неё. Тёмные волосы, худое лицо, усталые глаза. Такая же, как Марина. Такая же, как, наверное, все, кто приезжал сюда до неё.

Пытается нажимать кнопки, попадает в какое-то меню. Заметки в телефоне, последнее сохранённое. Слова мелкие, но одно Марина разбирает:

«Они не спят. Никогда».

Она зажимает телефон в кулаке. Стекло царапает ладонь.

Сверху, с первого этажа, доносятся шаги. Кто-то ходит из угла в угол. Медленно. Размерно. Туда-обратно.

Шаги тяжёлые. Мужские.

Она смотрит на потолок.

Там, наверху, — её новая жизнь. Или её новый страх.

Шаги не прекращаются. Туда-обратно. Туда-обратно.

Марина убирает разбитый телефон под подушку. Садится на кровать. Ждёт.

Через час она поднимется наверх.

А пока — просто сидит в комнате без окон, слушает чьи-то шаги и думает о девушке, которая была здесь до неё.

И о той, которая, возможно, придёт после.

Она закрывает глаза. Открывает.

Шаги всё так же ходят по потолку.

Марина смотрит на дверь. Металлическую. С кодовым замком.

Заперта ли она сейчас? Вероника нажала код — но чтобы закрыть или чтобы открыть?

Марина встаёт. Подходит к двери. Дёргает за ручку.

Дверь не открывается.

Заперта.

Марина возвращается на кровать. Садится. Смотрит на серую стену.

Ждёт.

Глава 3

Марина лежит на панцирной сетке и смотрит в потолок.

Не спит. Не потому, что страшно — хотя страшно тоже. Просто организм отказывается выключаться после всего, что случилось за последние сутки. Поезд, Москва, водитель, который даже

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.